

Наконец, отметим, что политическая работа в эмиграции должна, главным образом, развиваться в области идейного творчества, на почве широкой и глубокой культурной работы. Это область наиболее защищенная от провокации и наиболее целесообразная с точки зрения настоящего политического момента и реальных возможностей. Естественно, она должна прежде всего выражаться в печатном слове. Сталинско-Ежовскому застенку надо противопоставить широкий единый фронт — мощного идейного творчества на почве подлинной духовной свободы.

Могут найтись затронутые этой статьей, которые обвинят меня в том, что я сею недоверие. Нет, я не сею недоверие, наоборот, я требую доверия на основе моральной чистоты и призываю всех и каждого к бдительности.

А. А. Дабунев.

Русская Церковь и Революция

Марксизм в основание исторического процесса полагает экономику и из нее выводит все остальное. Духовная сторона жизни самостоятельного значения для него не имеет. Всякой религии он объявляет беспощадную борьбу.

Главным, основным врагом марксизма является христианство. Совершенно прав Бердяев утверждая, что «марксизм в гораздо большей степени противоположен христианству, чем капитализму... Он есть восстание земного, человеческого царства, против царства Божьего, царства небесного».

Первой добычей марксизма, опытным полем для его экспериментов, оказалась Россия. Как это могло произойти? Ведь Русский народ почитался «народом - богоносцем». Достоевский за несколько десятков лет до марксистской революции мог утверждать, что «Русская вера, Русское Православие есть все то, что только Русский народ считает за свою святыню, в ней его идеалы, вся правда и истина жизни».

Вся история Русского народа складывалась под непрерывным воздействием христианства. Влияние Церкви сказывалось во всех областях жизни. Вера в Бога была источником творческой энергии Русских людей, главным двигателем всяческого прогресса. Это признается всеми историками. Особенно ярко роль христианства в процессе исторического развития Русского народа выявлена Ключевским в его известной речи, посвященной пр. Сергию Радонежскому. Даже в современной России официальная историческая наука, продолжая признавать себя марксистской, принуждена была признать эту «прогрессивную роль христианства» в истории России. Такое признание со стороны «марксистов» в высшей степени знаменательно. Это — признак того, что официальные толкователи марксизма в современной России, цепляясь за марксистскую этикетку, на самом

деле, внутренно, от него отказались, или же означает идейную капитуляцию перед христианством самого марксизма, как социально-политического течения, нечто вроде «Ты победил Галилеянина» Юлиана Отступника.

Но не будем забегать вперед. Вспоминая всепроникающее значение, которое имело Православие в мировоззрении и в жизни Русского народа, нельзя не поражаться тому, как мог этот народ так легко отречься от своих верований и идеалов, как могло с такою стремительностью обрушиться все здание старой Русской жизни.

Внимательное чтение того же Достоевского, так глубоко осознавшего значение христианских идеалов в мировоззрении и в жизни Русского народа, дает многое для выяснения причин этого обвала. Достоевский глубоко проник в душу Русского человека, он видел в ней не только лучшие устремления к святости и совершенству, но также и бездны, в которые она готова была упасть. Ключевский в уже упомянутой речи, посвященной памяти преп. Сергия, за 25 лет до революции говорил: «При имени преп. Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной... Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа; они — его питательная почва; в них — его корни; оторвите его от них — оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завешанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

И вот ворота Лавры Преподобного Сергия затворились и лампы над его гробницей погасли. Значит нравственный запас Русского народа был растрачен без остатка, он недостаточно пополнялся и произошла катастрофа. Приближение этой катастрофы и предчувствовали великие Русские мыслители и провидцы последнего века, и писатели — Пушкин, Гоголь, Достоевский и другие, и святые — Преп. Серафим, Оптинские старцы, о. Иоанн Кронштадтский.

Давать оценку Русской революции можно и со стороны социально-экономической, и со стороны духовно-религиозной. Но ясную синтетическую картину всего происшедшего можно получить только приняв во внимание все ее стороны, начиная от религиозной и кончая экономической, материальной. Во всех областях жизни за истекшие двадцать лет произошли величайшие перемены, и не только в России. Весь мир в настоящий момент переживает глубокий кризис. Происходит как бы смена эпох. Умирают старые формы жизни и в сузорогах рождаются новые. В России этот кризис переживается с

наибольшей остротой. В ней с крайней стремительностью произошел обвал старого мира, и она первой оказалась опытным полем для марксистских вивисекторов. На Русском опыте марксизм, можно сказать, идейно обанкротился, показал свою нежизненность и несостоятельность. В России капитализм был выкорчеван без остатка, в то время как в других странах, ставших на путь искания новых социально-экономических форм, преодолеть старый капитализм оказалось невозможным. Им всем пришлось пойти на компромиссные комбинации. Так что и в области социально-экономической Россия оказывается впереди других народов — в этом неизбежном переходе всего человечества от эпохи капиталистической к эпохе социалистической.

Для тех, кто не являясь марксистом, признает подлинное существование духовных реальностей и их первенствующее значение в иерархии жизненных ценностей, главным и центральным во всем многообразном жестоком и кровавом опыте последнего двадцатилетия Русской жизни — является опыт Русской Церкви, Ее страдальческий путь и Ее великий подвиг. Дать ему разностороннюю и полную оценку — это дело будущих историков. Мы можем пока только присматриваться к нему, по возможности соучаствовать в нем, стараться переживать его, как свой собственный — ведь и Русские люди, находящиеся в эмиграции, могут принадлежать к Русской Церкви, это почти единственно возможная реальная связь с подлинной Россией, не накладывающая никакого политического отпечатка.

Катастрофический обвал старой жизни в процессе Русской революции поставил Православную Церковь в исключительно тяжелое положение. Она оказалась перед лицом торжествующего марксистского коммунизма, который стремится к Ее уничтожению, видя в Ней своего главного идеологического врага и, в то же время, считая Ее составной частью старого мира, целиком подлежащего уничтожению. Русское Православие, по марксистской доктрине, считалось идеологической надстройкой старого помещичье-капиталистического строя и потому должно было исчезнуть из народной жизни без остатка. В новой жизни, которую хотел построить коммунизм, Православию места не было, оно должно было совершенно уничтожиться. Религиозная война была объявлена повсюду — и в быту, и в педагогике, и в литературе, и в области искусства, и в исторической науке (во время процветания школы Покровского). Всячески муссировалось безбожное движение, которое должно было заменить старое религиозное мировоззрение Русского народа, новым, материалистическим.

Русская революция пережила период «Sturm und Drang'a» борьбы с верой в Бога. В недавно появившейся брошюре возглавителя безбожного движения Ярославского об этом этапе борьбы с религией говорится так: «Работа первых лет, несомненно, имела очень большой успех. Тогда выносились массовые требования о закрытии церквей, тогда борьба против религии носила бурный, митинговый характер, характер открытых антирелигиозных выступлений вроде «комсомольской пасхи», «комсомольского рождества», шумных антирелигиозных диспутов, в которых состязались доваль-

но видные наши общественные деятели с видными церковниками.»*) так глубоко, и идеологически, и в бытовом отношении, оказалась связана со всеми сторонами старой Русской жизни, оказалась теперь в совершенно новой обстановке. Духовенство привыкло к покровительству государственной власти, к всесторонней опеке и поддержке, и вдруг для большинства совершенно неожиданно опеке и поддержке, и вдумом власти враждебной, стремящейся к полному искоренению веры в Бога. Сколько мученичества и страданий пришлось перенести Русскому духовенству за эти годы! Более слабые пошли по пути угодничества в отношении новой власти, означавшему предательство и духовную гибель. Это путь Живой церкви, обновленчества. Или же поддались соблазну чисто человеческих путей, бросились в политическую борьбу, чуждую Церкви и Ее служителям.

Но у Русской Церкви оказались и такие пастыри, которые повели Ее по подлинно церковному, чисто христианскому пути. Это Патриарх Тихон и его преемники. Они сумели вывести Церковь из под обломков старой Русской жизни, противостать натиску новой религии коммунизма, духовно, идейно побороть ее. Если бы Русская Церковь поддавалась соблазну политической борьбы с новой властью, как апостола Петр, поднявший меч в момент предания Христа Иудой, она бы от меча и погибла. Вступив же на путь духовной борьбы, Она, в своем существе, оказалась недосыгаемой для ударов материалистической власти.

После периода прямых гонений на Церковь, новая власть пришла к убеждению, что такими способами победить веру невозможно. Луначарский высказал это так: «вера как гвоздь, чем больше бьешь, тем глубже входит». Тогда стали прибегать к более тонким методам борьбы. Не прямое гонение, а создание таких условий жизни, при которых Церковь не смогла бы существовать и постепенно исчезла. Ярославский выразил эту установку следующим образом: «Мы боремся против религии таким переустройством жизни, которое подрезывает корни религии, делает ее ненужной, никчемной в глазах трудящихся масс». Отмена воскресенья, как общего дня отдыха и ряд других мер, страшно затруднили, сделали для многих верующих трудящихся почти невозможным посещение богослужений, вообще какое-либо активное участие в религиозной жизни. Русские люди должны были постепенно отвыкать от нее и практически превращаться в безбожников. Духовенство было поставлено в такие условия жизни (лишение, черта оседлости, постоянная угроза ареста и ссылки, всяческие издевательства), что для выполнения пастырского долга от священника потребовался подлинный христианский героизм. Наиболее слабых подбивают на отречение от сана, а это, в свою очередь, должно было воздействовать на их паству, вызывать у нее разочарование и потерю веры. Молитвенные здания облагаются непосильными налогами и все делается для того, чтобы вынудить их закрытие и роспуск религиозной общины. Особое внимание обращается на то, чтобы оберечь молодые поколения от какого-либо религиозного влияния. По мере вымирания старых поко-

*) Ем. Ярославский. «Задачи антирелигиозной пропаганды»
Партиздат. 1937 г.

лений постепенно должна была угаснуть и сама религия. Печать, уделявшая прежде столько внимания борьбе с религией, совсем перестала ею заниматься. В течение ряда лет в газетах редко удавалось найти хотя бы косвенное упоминание чего либо, касавшегося религии, и получалось впечатление, будто Русский народ почти целиком дехристианизировался, будто атеизм в России одержал полную победу.

Но за последний год советская печать опять заговорила о религии. И пишут о ней теперь чрезвычайно много.

И что же мы узнаем со слов Ярославского, наиболее компетентного в деле борьбы с религией человека?

«У нас далеко еще не умерла религия, имеется еще громадное количество верующих людей... И в городе и на селе — десятки миллионов верующих... В СССР более 30 тысяч религиозных организаций... Если просто помножить эту цифру — 30 тысяч в среднем, на 25 (число членов совета общины), то получим цифру в 750 тысяч, а на самом деле она гораздо больше, не менее 1 миллиона. Это тот актив, который составляет, как бы сказать, правление религиозных общин, руководящие группы этих общин, верхушку религиозной организации... Если даже считать, что число верующих в городах составляет 30 проц. в среднем, то получится во всяком случае не один миллион городского населения верующих. А в сельском населении, где все еще имеется около 2/3 верующих, религиозный актив еще значительнее...»*)

Установка: «религия отмирает сама по себе» объявляется «гнилой теорией». Религия «отмирает под влиянием успехов социалистического строительства, подъема культурной жизни, подъема материального уровня? К сожалению, религия сама по себе не отмирает», с грустью констатирует Ярославский. — «Религия возможна и при сравнительно высоком уровне жизни. Те, кто думает, что достаточно улучшить положение масс — и религия сама по себе отомрет, те жестоко ошибаются».

«Еще одна вредная теория: веруют лишь старики и старухи. Это не верно. Если бы только старики и старухи ходили в церковь, — но ведь они тащат с собой и детей дошкольного возраста и детей школьного возраста. Затем дома они воспитывают всю семью, имеют на нее большое влияние. Да на самом деле далеко не одни старики и старухи ходят в церковь — есть и молодежь верующая. Среди такой молодежи большой процент комсомольского возраста...»

Значит нужно вернуться к методам прямого насилия, «администрирования»? Нет, опыт прошлого уже показал, что такие меры желаемых результатов не дают. Например, вопрос закрытия церквей вопреки желанию верующих. К чему это приводит? Вот опять свистельство Ярославского:

«Некоторые утешаются тем, что закрыто большое количество церквей, а значит, думают они, с религией покончено. Это глубокое заблуждение. Опасность заключается в том, что если церковь закрыли, а никакой серьезной работы в массах не провели, все население не убедили в необходимости закрыть церковь, то поп остается без

*) Ем. Ярославский. «Задачи антирелигиозной пропаганды».

церкви, но окруженный массой верующих, поп превращается в «поп-передвижку»... ездит из села в село, куда его приглашают. Если он там не был год, то он сразу всех, которые народились, окрестит, всех, которые переженились, повенчает, отпоеет тех, которые померли, — получит аккордную плату и поедет дальше. Оттого, что церковь закрыли в районе, где осталась масса верующих, поп не перестает быть нужным для верующей массы служителем культа. Мы не должны закрывать на это глаза.»

То же можно сказать и относительно других способов насилия в борьбе с религией. Но на полный отказ от них власть не решается. Большое количество духовенства находится еще в ссылке. Имеются сведения и о новых арестах и ссылках.

Официально рекомендуется: «избегать всякой ненужной грубости, очень чутко прислушиваться к массам... не отталкивать от себя верующих, а помочь им освободиться от влияния религии».

Но как это сделать?

«Терпеливо разъяснять им вред религии». Доказывать, что «религия противоречит науке».

Кто будет это делать?

«Союз воинствующих безбожников» почти распался, его приходится воссоздавать заново. Другие организации идейной борьбой с религией за последнее время почти совсем не занимались, не имеют в этом навыка.

А главное — как увязать борьбу с религией со всеми новыми веяниями в области культуры, искусства, исторической науки, быта? Получается полная идейная путаница. И аргументацию против религии нельзя уже вести по старым шаблонам. От безбожников требуется большое усилие, главное — «повышение качества работы». Их усилия сейчас как будто поощряются и щедро субсидируются. Появляются новые издания, увеличиваются тиражи старых. Но каковы будут результаты всех этих потуг?

Главное — как с точки зрения марксизма объяснить «живучесть религиозных предрассудков». «У них прежняя социальная база уже исчезла», признает Ярославский. «Они вынуждены сейчас подводить новую социальную базу под свою религиозную организацию». «Религиозные организации втягивают в церковные советы новый актив... рабочих, колхозников, женщин и т. д.»: И среди духовенства появляются «люди, которые против советской власти прямой борьбы не ведут», стоят на чисто религиозной позиции. «Было бы неправильно на них смотреть как на врагов, как на контрреволюционеров», говорит Ярославский. «Было бы вреднейшим заблуждением думать, что все верующие — это наши враги. Ничего подобного — это в большинстве своем люди социально и даже политически нам близкие». Но зачем тогда бороться против религии, и как вообще увязать подобные признания с марксистской теорией о религии, как «идеологической надстройке»? Получается тупик и неизбежно появляется следующая теория, по мнению Ярославского, «очень вредней и опасней»: «так как в нашей стране прежних социальных корней, прежней социальной опоры религии уже нет, то и антирелигиозной пропагандой заниматься незачем».

Марксизм оказался в тупике. «Религия к сожалению сама по себе не отмирает» и ее живучесть ни в какие марксистские схемы или идейно капитулировать перед христианством, как в свое время капитулировал перед ним древний языческий мир.

А для тех, кто свободен от марксистских догм, кто признает реальное существование духовного мира и считается с мощным воздействием этого мира на земной исторический процесс, — двадцатилетний опыт Русской революции является прежде всего исключительно важным этапом в духовной жизни Русского народа. Оценить по настоящему его значение и предвидеть каковы будут его последствия пока еще невозможно. Но уже можно утверждать, что если начало революции, согласно вешему предупреждению Ключевского, знаменовало полное духовное оскудение Русского народа, доказывало, что он растерял прежде накопленное духовное богатство, то теперь, в результате двадцати лет тяжелых страданий, мучительных переживаний и глубоких переосвоений, в душах Русских людей начали накапливаться новые духовные сокровища. И если этот процесс духовного возрождения и просветления не будет остановлен, то можно ожидать, что он сильно повлияет на дальнейшее развитие исторических судеб России и не только ее одной. Весь мир сейчас находится в состоянии страшного духовного упадка, так что накопление новых духовных сил Русским народом сможет и на него оказать мощное и благотворное воздействие.

Кирилл Шевич.

Церковь и Государство

«Нормальная установка отношений государства и церкви имеет для монархии важность, перед которой бледнеют все другие вопросы государственно-общественных отношений».

Л. Тихомиров.

1. Духовный элемент в римской государственности.

«Ты можешь увидеть государство без стен, без властей, без законов, но ты никогда не увидишь государства без религии, без религиозных упражнений и жертв». Так утверждал Плутарх еще в начале 2 века нашей эры. Как историк, ученый наблюдатель и путешественник, он облачал это свое утверждение в форму незыблительной истины для общественного и политического порядка всех времен и народов.

Такое наблюдение древнего ученого особенно любопытно в том отношении, что оно формулировалось, как раз, в самую критическую переходную пору позднейшего греко-римского античного мира, во многих отношениях напоминающую наше переходное время.

Для миродержавного Рима это была пора глубокого длительного кризиса общественного, политического и нравственного. Связь с древней религией (Сагга) Римом уже была давно утрачена. В городе, правда, существовал Пантеон, но почти на правах государст-